

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК

БЕЛОРУССКАЯ ПРОМАШКА ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ

В советское время белорусские газеты и журналы о том событии не писали, хотя о нём в своем кругу нередко судачили ветераны партийной и исполкомовской работы. Это была тема для разговоров под соответствующее настроение, однако отнюдь не для прессы, поскольку затрагивалась ситуация, связанная с невыполнением решения вышестоящего комитета, что никак не сочеталось с чуть ли не ежедневно звучащими требованиями строго блюсти партийную дисциплину. Тем более, речь в данном случае шла о выполнении постановления самого главного партийного штаба – ЦК КПСС. Но всплывала тема всё-таки довольно часто, ведь она касалась не кого-либо, а первого лица в партийном руководстве белорусской республики. Кроме того, интерес к ней невольно подогревало то, что к ней имел прямое отношение сам Лаврентий Берия, при упоминании о котором долгие годы ни у кого из аппаратчиков, да и не только аппаратчиков, отнюдь не улучшалось настроение.

В июне 1953 года – всего через три месяца и одну неделю после смерти И. В. Сталина – в Москве было принято решение заменить почти три года работавшего первым секретарём ЦК Компартии Белоруссии русского по национальности Н. С. Патолочева на белоруса М. В. Зимянина, недавнего второго секретаря ЦК КПБ, к тому времени переведённого в Министерство иностранных дел СССР. Николаю Семёновичу были предъявлены две серьёзные претензии. Одна из них заключалась в том, что Центральным комитетом и бюро ЦК КПБ и, конечно же, им самим были допущены серьёзные ошибки в проводимой в республике кадровой политике. Особенно если посмотреть на эту политику с национальной точки зрения. Вторая указывала на значительные промахи в руководстве сельским хозяйством. Но белорусский ЦК тогда не торопился взять под козырёк...

Со временем та история стала обрастать легендами, к чему приложили руку даже её участники и свидетели. В книге Н. С. Патолочева “Совестью своей не поступись”, вышедшей в московском издательстве “Сампо” в середине 90-х, сказано, что на Пленуме ЦК КПБ, который и должен был решить его судьбу, запланированный ход событий сломал руководитель Дзержинского райкома партии Л. М. Лемешонок. Выйдя на трибуну в ходе обсуждения доклада, он заявил: “На пленуме присутствует 154 первых секретаря районных комитетов партии. Они не будут голосовать за освобождение первого секретаря ЦК”. Один из отцов белорусской литературы Якуб Колас, который после Великой Отечественной войны вступил в партию и был избран членом ЦК, тоже не стал критиковать, а, наоборот, поблагодарил Николая Семёновича от имени белорусского народа “за хорошую работу в Белоруссии”, затем подошёл и демонстративно пожал ему руку, после чего зал взорвался аплодисментами.

Всё это сразу стало известно в ЦК КПСС, и вскоре оттуда раздался телефонный звонок: Москва не будет настаивать на освобождении Патоличева от должности первого секретаря ЦК КПБ.

Однако почётный гражданин Минска В. И. Шарапов, почти два десятилетия возглавлявший столичный горисполком и горком партии, в вышедшей несколько лет назад книге “Время расставляет нас по местам” нарисовал несколько иную картину. Василий Иванович, участвовавший в том Пленуме в качестве партийного руководителя Сталинского — теперь Заводского — района белорусской столицы, о выступлении Якуба Коласа даже не вспомнил. Главную заслугу, связанную с отстаиванием Патоличева, он отнёс всецело на счёт Л. М. Лемешонка, заявившего, что Николай Семёнович сделал очень много хорошего, что свой пост занимает вполне заслуженно, что в недостатках, которые есть, не меньше виноваты глава правительства и другие люди, ответственные за состояние дел в республике. Критику первого секретаря, которого многие уже стали называть бывшим, он квалифицировал как шельмование и напомнил участникам Пленума, что они собрались не для демонстрации молчаливого согласия с постановлением ЦК КПСС. Притом, подчеркнул В. И. Шарапов, такое смелое суждение он высказал уже после того, как председатель Совета Министров БССР А. Е. Клещёв поблагодарил ЦК КПСС за мудрое решение поставить во главе белорусского ЦК молодого белоруса, пусть уклончиво, но поддержал московскую установку Председатель Президиума Верховного Совета БССР В. И. Козлов, а председатель Госплана И. Л. Чёрный подверг Патоличева разгромной критике за состояние дел в экономике. После сказанного Л. М. Лемешонком “зал замер, а затем взорвался шквалом аплодисментов”. Все последующие выступающие выразили полную поддержку Николаю Семёновичу. Представитель ЦК КПСС побегал звонить в Москву. Спустя некоторое время объявили тайное голосование с вопросом “Надо ли проводить перевыборы первого секретаря ЦК КПБ”. За Патоличева высказалось 546 человек, против не проголосовал никто, воздержалось четверо. Результаты голосования были встречены овациями. О результатах тайного голосования, отметил В. И. Шарапов, участники Пленума догадались ещё до их оглашения, так как в президиум на сей раз первым вышел Патоличев, а не Зимянин, как это было при открытии Пленума.

Документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь, в частности, стенограмма того самого Пленума, свидетельствуют, что уважаемых людей память всё-таки подвела. И Патоличева, и Шарапова. Впрочем, книга Патоличева вышла в свет через шесть лет после его смерти, составлялась, видимо, уже не им, и минские жизненные пертурбации Николая Семёновича, о которых в ней идёт речь, изложены, скорее всего, на основе чьих-то рассказов, семейных разговоров. Реальные же события развивались несколько иначе. Во-первых, секретарь Дзержинского райкома партии Л. М. Лемешонко о том, что 154 его коллеги не будут голосовать за снятие Н. С. Патоличева, не говорил и не мог говорить, так как не все первые секретари горкомов и райкомов были членами ЦК и имели право голоса на Пленуме. Во-вторых, Якуб Колас в своём выступлении Патоличева даже не упомянул. Не отмечено в стенограмме и то, что он демонстративно пожимал Николаю Семёновичу руку, хотя она фиксировала даже возгласы из зала по ходу дебатов. Впрочем, Якуб Колас умудрился не упомянуть даже постановление ЦК КПСС, ради выполнения которого собран был сам Пленум ЦК КПБ. В-третьих, председатель Президиума Верховного Совета БССР В. И. Козлов отнюдь не “высказал поддержку московскому решению”. В-четвёртых, глава тогдашнего белорусского правительства А. Е. Клещёв на Пленуме не выступал вовсе. В-пятых, тайного голосования не было, все решения принимались открытым поднятием рук, поскольку это был Пленум, а бюллетени и урны тогда предусматривались для отчетно-выборных партийных конференций и съездов. Право принятия решения имели только 111 прибывших на Пленум членов ЦК — именно эту цифру, открывая заседание, назвал секретарь ЦК КПБ Т. С. Горбунов, а не 550, как следует из воспоминаний Шарапова. Впрочем, судя по протоколу, в зале тогда находилось в общей сложности 518 человек. Помимо членов, кандидатов в члены ЦК и членов ревизионной комиссии ЦК, там присутствовали партийные секретари от районного уровня и выше, а также работники аппарата ЦК, начиная с заведующих секторами, министры и их заместители, секретари ЦК и обкомов республиканского комсомола, видные

представители науки, литературы и искусства, члены военных советов Минского и Барановичского военных округов, существовавших тогда на территории БССР, редакторы главных республиканских газет и журналов, начальники областных управлений МВД... По сути, были представлены все государственные и общественные структуры.

В то же время было ещё одно обстоятельство, от которого судьба Патоличева зависела не меньше, чем от волеизъявления белорусского партийного актива, хотя и находилось оно далеко за пределами зала, в котором заседал Пленум. Имя ему – первый заместитель председателя Совета Министров СССР и министр внутренних дел СССР Л. П. Берия. Вопрос о замене Н. С. Патоличева на М. В. Зимянина на посту первого секретаря ЦК КПБ перед Президиумом ЦК КПСС поставил именно он. По его записке 12 июня 1953 года Президиум принял специальное постановление “Вопросы Белорусской ССР”. И записка та появилась, конечно же, вовсе не потому, что Лаврентий Павлович вдруг озаботился должностным ростом Михаила Васильевича или даже ускорением экономического развития республики-партизанки. Берия, можно не сомневаться, руководствовался иными, сугубо собственными соображениями и опасениями, вызревшими у него в связи с кончиной Сталина, а Зимянину предстояло стать инструментом в достижении поставленных целей или жертвой в случае неудачи.

“Лубянский маршал”, как его тогда называли за глаза, похоже, к смерти “вождя всех народов” был готов лучше других сподвижников генералиссимуса, потому начал действовать немедленно, когда, как говорится, ещё не остыло тело того, кому недавно все поклонялись. Притом действовать весьма настойчиво, бесцеремонно обходя других. Впоследствии В. М. Молотов – уже на июльском Пленуме ЦК КПСС – в ходе рассмотрения вопроса “О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия” говорил, что позвонил Лаврентию Павловичу сразу после кончины Сталина и спросил, почему именно он решил назвать имя нового главы Совета Министров, “почему, собственно говоря, премьер-министра на сессии Верховного Совета, предложенного партией, рекомендует не секретарь Центрального Комитета Хрущёв?” Ответ был кратким: “Нет, я”. Речь с трибуны Мавзолея на похоронах Сталина произносил тоже Берия.

Надо полагать, Лаврентия Павловича больше всех тревожили грядущие изменения в государственной политике, которые должны были неизбежно произойти после ухода в мир иной того, кто руководил страной много лет. Ресурс закручивания гаек был почти исчерпан, маячила опасность “сорвать резьбу”, потому ослабление нажима во всех сферах жизни становилось попросту неизбежным, но при подобном повороте не исключалось, что встанет вопрос об ответственности и за ошибки и поражения, и особенно за репрессии. Будучи отнюдь не глупым человеком, Берия не мог не осознавать, что в таком случае именно он окажется в наиболее уязвимом положении, ведь важнейшим инструментом репрессий являлись наркоматы-министерства внутренних дел и государственной безопасности, к деятельности которых он уже полтора десятка лет имел непосредственное отношение. Притом, если до этого дойдёт дело, ему придётся ответить и за своих предшественников во главе НКВД, – к примеру, за Н. И. Ежова и его “ежовые рукавицы”. И такой исход устроил бы многих. На Берия с удовольствием всё свалил бы и Хрущёв, который, будучи первым секретарём Московского горкома партии, сам требовал наибольших квот на расстрелы, мотивируя это тем, что столица в борьбе с врагами народа не может отставать от какой-нибудь Калуги. Годы спустя и Зимянин подчёркивал, что, “подвергая критике Сталина за репрессии, Хрущёв тем самым в какой-то степени замаливал собственные грехи...”

Потому Берия предпочёл действовать на опережение. С одной стороны, он стал первым называть злоупотребления и перегибы в деятельности правоохранительной системы. Ситуацию для него здесь облегчало то, что с декабря 1945 года он уже не был непосредственным руководителем НКВД и НКГБ, преобразованных в 1946 году в МВД и МГБ, а лишь курировал их в качестве заместителя председателя правительства СССР, притом зачастую остро конфликтовал с теми, кто их возглавлял. С другой – под видом исправления ошибок на важных участках Берия начал расставлять верных ему людей, которым и предстояло поддержать его в продвижении к вершине властной пирамиды.

Лишь такой поворот событий мог гарантировать ему уход от ответственности и личную безопасность.

Почему 5 марта 1953 года на совместном заседании ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Берия рекомендовал новым главой советского правительства именно Маленкова? Надо полагать, не только потому, что у него была договоренность с Георгием Максимилиановичем, согласно которой тот сразу же назовёт Берию своим первым заместителем и одновременно главой министерства внутренних дел, поглотившего уже министерство государственной безопасности. Были и другие, не менее значимые причины. Надо полагать, имеют резоны те, кто утверждает, что немедленный приход на высший пост в исполнительной власти ещё одного грузина на смену только что ушедшему грузину, столь долго руководившему огромной и многонациональной страной, выглядел бы не совсем красиво и объяснимо. Потому требовалась переходная фигура. Кроме того, формально Маленкова трудно было обойти, поскольку он ещё при Сталине стал в партийном и государственном аппарате фигурой номер два после самого вождя. Наконец, что ещё важнее, именно та формальная значимость была выгодна для Берии, так как он не видел в Маленкове серьёзного соперника в борьбе за власть. И не ошибся. Георгий Максимилианович, сразу заговоривший о коллективном руководстве, в самом деле, бойцом не был, что вскоре и подтвердилось со всей очевидностью. Через два года он стал обычным министром, а ещё через два — директором электростанции в далёком казахстанском Экибастузе.

Да и в целом вряд ли Берия считал кого-либо большим препятствием на своём пути к самой высшей власти, что в какой-то мере и может объяснить всплеск его активности. Из вновь назначенных первых заместителей председателя Совета Министров тот же Н. А. Булганин, хотя он одновременно возглавлял и военное министерство, решительностью не отличался. Склонный Л. М. Каганович не мог рассчитывать на широкую поддержку, поскольку с многими испортил отношения. Опаснее был В. М. Молотов — давний соратник Сталина, ведавший иностранными делами, до войны даже возглавлявший советское правительство, но он очень долго пробыл на вторых ролях, что не могло не отразиться на его характере и поступках. В этом Берия ещё раз убедился, дав ему краткий и резкий ответ на вопрос, кто должен назвать кандидата на пост главы правительства. И Вячеслав Михайлович, как и полагал Лаврентий Павлович, упираться не стал.

Кроме того, Молотову шёл уже седьмой десяток лет. Ещё больше — восьмой десяток — отсчитывал маршал К. Е. Ворошилов, занявший пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Был ещё секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв, но ему Президиум ЦК рекомендовал сосредоточиться “на работе в Центральном Комитете КПСС”. Сомнительно, что хитрого, но малообразованного Никиту Сергеевича Берия тоже принимал всерьёз в своих расчётах, однако, как потом оказалось, именно Хрущёв оказался организатором всех его будущих невезений. Впрочем, не только он. Дальнейшие события развивались так, что, в отличие от Лаврентия Павловича, ушедшего в мир иной с пулей во лбу в 54 года, все его соперники умерли своей смертью в почтенном возрасте: Хрущёв — в 77, Маленков — в 87, Ворошилов — в 88, Молотов — в 96, Каганович — в 98 лет.

Тогда Берия не знал, что 1953 год станет последним в его жизни, но, как свидетельствуют факты, руководствовался тем, что медлить нельзя. Уже на четвёртый день после похорон Сталина — 13 марта — он издал приказ по МВД о создании следственных групп для пересмотра дел арестованных врачей, а также бывших сотрудников МГБ СССР, работников Главного артиллерийского управления военного министерства, арестованных работников МГБ Грузинской ССР. Затем — 26 марта — о пересмотре дел по обвинению бывшего руководителя ВВС и министерства авиационной промышленности СССР, жертвой которого в своё время стали маршалы авиации А. А. Новиков, С. А. Худяков и министр авиационной промышленности А. И. Шахурин, а 4 апреля последовал приказ “О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия”.

В те же дни одна за другой ушли специальные записки в Президиум ЦК КПСС: 26 марта — о проведении амнистии, 1 апреля — о реабилитации лиц, привлечённых по делу о врачах-вредителях, 2 апреля — о привлечении к уголовной ответственности виновных в убийстве в Минске С. М. Михозэла

и В. И. Голубова, 8 апреля — о неправильном ведении дела так называемой мингрельской националистической группы, 17 апреля — о реабилитации бывшего заместителя военного министра маршала артиллерии Н. Д. Яковлева, начальника Главного артиллерийского управления генерал-полковника артиллерии И. И. Волкотрубенко и заместителя министра вооружения И. А. Мирзаханова, 6 мая — о реабилитации застрелившегося в 1941 году наркома авиационной промышленности М. М. Кагановича, 13 мая — об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей, 15 июня — об ограничении прав особого совещания при МВД СССР. Ещё 19 марта были сменены руководители МВД во всех союзных республиках и в большинстве регионов РСФСР. В Минске с должностью министра внутренних дел расстался русский М. И. Баскаков, его сменил уроженец Петриковского района Гомельской области М. Ф. Дечко. В Могилёве с поста областного управления внутренних дел сняли полковника Почтенного, поскольку он был русским. Как потом утверждал Патолчиев, «Берия одним взмахом... без ведома ЦК Белоруссии снял с руководящих постов русских, украинцев... Готовилась такая замена до участкового милиционера включительно». Поначалу, казалось, всё идёт нужным для Берии чередом. Президиум ЦК КПСС 10 апреля 1953 года даже принял постановление, одобряющее «проводимые тов. Берия Л. П. меры по вскрытию преступных действий, совершённых на протяжении ряда лет в бывшем Министерстве государственной безопасности СССР, выражавшихся в фабрикации фальсифицированных дел на честных людей, а также мероприятия по исправлению последствий нарушений советских законов».

В то же время Берия не мог не понимать, что усилий, предпринимаемых только в рамках подчинённых ему ведомств, будет недостаточно. Потому по его же приказам Президиум ЦК КПСС принял специальные постановления по трём республикам: 26 мая — «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР» и «О положении в Литовской ССР», а 12 июня — «Вопросы Белорусской ССР». Во всех трёх документах главной причиной недостатков были названы «извращения ленинско-сталинской национальной политики», выразившиеся в том, что на руководящую работу мало выдвигались местные кадры, а в деловых отношениях и системе просвещения господствовал русский язык. Малым числом местных выдвиженцев в органах партийной и государственной власти объяснялось даже продолжающееся существование бандеровщины на Украине и националистического подполья в Литве. Обстановка на той же Западной Украине, в самом деле, была весьма сложной. Бандеровцы продолжали нападения на органы власти, вели индивидуальный террор против военных и милиции, оставалась весьма накалённой атмосфера страха. Как отмечалось в постановлении, посвящённом Украинской ССР, дело дошло до того, что «около 8000 человек из молодёжи, подлежащей набору в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения, перешло на нелегальное положение». Тем не менее, девяти обкомам и руководству Украины была поставлена задача «добиться изжития огульного недоверия к западно-украинским кадрам» и «обеспечить их наличие в руководящем составе ЦК КП Украины и в Правительстве Украинской ССР». Первый секретарь ЦК КП Украины Л. Г. Мельников, русский по национальности, после принятия упомянутых постановлений был освобождён от занимаемой должности.

Первому секретарю ЦК Компартии Литвы А. Ю. Снечку тогда повезло. Он остался на своём посту, поскольку был литовцем, однако оценка положения дел в республике была такой же: «огульное недоверие к литовским кадрам». Главной задачей тоже названо их «выращивание и широкое выдвижение... во всех звеньях партийного, советского и хозяйственного руководства». Требовалось сразу же «отменить ведение делопроизводства во всех партийных, государственных и общественных организациях Литовской ССР на нелитовском языке... Заседания Совмина, бюро и пленумов ЦК КП Литвы, а также городских и районных комитетов партии и исполкомов Советов депутатов трудящихся проводить на литовском языке».

Постановление, касающееся БССР, было самым коротким. Его констатирующая часть состояла всего из двух абзацев. В первом тоже отмечалось, что и «в Белорусской ССР совершенно неудовлетворительно обстоит дело с продвижением белорусских кадров на работу в центральные, областные, городские и районные партийные и советские органы». При этом подчёркивалось, что «особенно неблагоприятным является привлечение на руководящую работу

в партийные и советские органы западных областей Белорусской ССР коренных белорусов – уроженцев этих областей, что является грубым извращением советской национальной политики”. Во втором было указано на наличие “серьёзных недостатков в колхозном строительстве”. Постановляющая часть гласила: “Освободить т. Патоличева Н. С. от обязанностей первого секретаря ЦК КП Белоруссии, отозвав его в распоряжение ЦК КПСС”, – а вместо него “рекомендовать первым секретарём ЦК КП Белоруссии т. Зимянина М. В., члена ЦК КПСС, быв[шего] второго секретаря ЦК КП Белоруссии, освободив его от работы в Министерстве иностранных дел СССР”. Третий пункт обязывал ЦК КПБ “выработать необходимые меры по исправлению отмеченных извращений и недостатков и обсудить их на Пленуме ЦК КП Белоруссии. Доклад на Пленуме ЦК КП Белоруссии поручить сделать т. Зимянину”.

В доступных документах не удалось пока найти готового ответа на вопрос, почему выбор Берии пал именно на Зимянина. Конечно же, делая ставку на недавнего второго секретаря ЦК КПБ, он руководствовался не только официальными политическими характеристиками этого человека. Разумеется, он хорошо изучил личное дело Михаила Васильевича и знал, что тот, в пятнадцать лет начав трудовую жизнь рабочим паровозоремонтного депо в Витебске, уже в двадцать шесть возглавил ЦК белорусского комсомола, во время войны долгое время провёл на оккупированной гитлеровскими территориями, занимаясь формированием подполья и партизанским движением, а после неё стал министром просвещения, затем секретарём, вторым секретарём ЦК КПБ. Берия не мог не заметить и того, что Зимянин обладает цепкой хваткой, умеет, “когда партия прикажет”, идти напролом и не очень-то церемониться с теми, кто оказывается на его пути. “Небольшого роста, щуплый, подвижный, как ртуть” – так характеризовал его известный дипломат и журналист, руководивший в 1988–1991 годах международным отделом ЦК КПСС, дипломат и историк Валентин Михайлович Фалин.

Было в его характере и ещё нечто, часто присущее людям невысокого роста, – обострённое самолюбие. Красноречивый в этом смысле случай произошёл в апреле 1947 года в Москве в кабинете Маленкова, который в ЦК КПСС в то время был ответственным за кадровую политику. Зимянина тогда выдвигали на должность секретаря ЦК Компартии Белоруссии. Когда он вошёл в кабинет, Маленков воскликнул: “Какой же Вы маленький!” Зимянин мгновенно взвился: “Вы ошиблись адресом. Поищите кого-нибудь ростом повыше!” Развернулся и пошёл к выходу. Маленкову пришлось успокаивать потенциального выдвиженца: “Постойте, не горячитесь. Мы же оба понимаем, что не это главное”. Описание того, что произошло в кабинете Маленкова, привёл в своих публикациях Михаил Бублеев – под таким псевдонимом выступал в печати сын Зимянина. И добавил, что Маленков, поражённый такой реакцией, рассказал об этом событии даже Сталину.

Вряд ли можно сомневаться в том, что особенности характера Михаила Васильевича в полной мере учитывал и Берия. И не исключено, на них он во многом и рассчитывал. Он и его люди не могли не поинтересоваться тем, почему человек, работавший вторым секретарём республиканского ЦК, избранный членом ЦК КПСС на XIX съезде партии, проходившем под руководством самого Сталина, вдруг оказался на второразрядной работе в союзном МИДе. В воспоминаниях Патоличева на эту тему содержится лишь маленький намёк, на первый взгляд, даже косвенный. Он пишет, что по прибытии в Минск ему с первых дней “бросилась в глаза разобщённость в работе бюро ЦК... Председателем Президиума Верховного Совета работал В. И. Козлов, Председателем Совета Министров – Алексей Ефимович Клещёв. Оба коренные белорусы, опытные работники, Герои Советского Союза... Кто или что вносило разобщённость...” Ни одного плохого слова прямо в адрес Зимянина Патоличев, однако, не сказал.

Куда больше эмоций на сей счёт содержится в том, что рассказывал Зимянин. В большом интервью, публикация которого в белорусской республиканской газете “Звезда” в июле-августе 1992 года растянулась на дюжину номеров, он говорил о Патоличеве как об опытном партийном работнике, которого “в то же время отличала открытая самовлюблённость, склонность к авторитарному стилю руководства”. Михаила Васильевича “особенно настораживала его хитрость”. По его словам, “Патоличев был не из тех, кто говорил прямо”. Вот почему “я всегда работал с ним с определённой оглядкой,

хотя в целом отношения были в пределах нормы”. Зимянин не привёл ни одного примера паталичевской хитрости или непрямоты, но из его слов со всей определённой следует, что его отношения с новым первым секретарём не складывались. Впрочем, не сложились они и с его предшественником Н. И. Гусаровым, которого Михаил Васильевич называл человеком, ничего не смыслящим в белорусских делах.

Надо полагать, Паталичев, до Минска успевший побыть во главе Ярославского, Челябинского, Ростовского обкомов партии, поработать секретарём в ЦК Компартии Украины и даже секретарём ЦК ВКП(б), вряд ли мог согласиться с тем, что он не способен по-настоящему вникнуть в белорусские проблемы и решать их, если даже ему на это намекали. Однако доводить дело до ещё одного конфликта он, похоже, не стал, решив, что лучше “выдвинуть” малосговорчивого Михаила Васильевича на работу в союзную столицу. А возможности убедить кого надо в том, что Зимянина лучше использовать на другом поле деятельности, у него были. Ведь он в 1946–1947 годах в ЦК ВКП(б) занимался именно кадровыми вопросами. Потому опыт, связанный именно с таким методом перемещения кадров, у него тоже был. Более того, он был обогащён уже в Минске. Буквально через год после прибытия в белорусскую столицу подобным образом Паталичев избавил (и избавил белорусскую республику) от министра госбезопасности Лаврентия Цанавы, имя которого вызывало у всех те же ассоциации, что и имя его тезки и самого известного земляка Лаврентия Берии. Николай Семёнович, как утверждают, внушил Москве, что Цанава созрел для выполнения куда более объёмных задач, чем те, которые он решает в маленькой БССР.

Деля ставку на Зимянина, Берия понимал, что в данном случае ему будут на руку и холодные отношения между Михаилом Васильевичем и Николаем Семёновичем. Его контакты с Зимяниным начались по телефону. Как следует из “Объяснения М. Зимянина Н. С. Хрущёву о содержании разговоров с Л. П. Берия”, датированного 15 июля 1953 года, их было два, а “первый телефонный разговор состоялся незадолго (за 3 или 4 дня, даты точно не помню) до принятия постановления Президиума ЦК КПСС от 12 июня 1953 г. “Вопросы Белорусской ССР”. Я работал тогда в МИД СССР. Позвонил работник из секретариата Берия и предложил мне позвонить по кремлёвскому телефону Берия... Берия спросил, как я попал в МИД? Я ответил, что был в ЦК КПСС, что состоялось решение Президиума ЦК, в соответствии с которым я работаю в МИД СССР. Затем Берия спросил, знаю ли я белорусский язык. Я ответил, что знаю. После этого Берия сказал, что вызовет меня на беседу, и повесил трубку”.

Как показало время, Зимянин несколько лукавил, когда утверждал в своём объяснении, что не помнит точной даты первого телефонного звонка из секретариата Лаврентия Павловича. Михаил Бублеев в своей публикации об отце “Испытание властью”, помещённой в январском номере белорусского журнала “Неман” за 1992 год, вполне конкретен: “Вечером 8 июня 1953 года в кабинете заведующего Четвёртым Европейским отделом МИД СССР М. В. Зимянина раздался звонок. Звонили по городскому телефону: “Михаил Васильевич? Добрый вечер. Вас беспокоят из секретариата товарища Берия. Лаврентий Павлович просил Вас перезвонить ему по кремлёвской связи”. Через минуту Зимянин разговаривал с Берия...” Нетрудно догадаться, что эту дату ему называл отец.

Надо сказать, звонок из аппарата Берия изрядно встревожил Зимянина. Он сразу же доложил об этом своему самому главному начальнику – В. М. Молотову. Притом докладывал дважды. По телефону и устно. Предположив, что Берия намерен забрать его в структуры МВД, Михаил Васильевич сказал Вячеславу Михайловичу, что хотел бы остаться в его подчинении. Таким образом, он прозрачно намекнул, что переход под крыло “лубянского маршала” его не прельщает. Однако Молотов “дал понять, что речь идёт об ином предложении, против которого ему трудно возражать”. Бублеев в этой связи добавляет, по-видимому, тоже со слов отца, что ответ Молотова звучал сухо. Умолчал тогда глава МИДа, отмечено в объяснении, и о записке Берия, уже направленной в Президиум ЦК КПСС и касающейся БССР.

Второй телефонный звонок поступил 12 июня – в день принятия постановления “Вопросы Белорусской ССР”. Зимянину было предложено явиться на беседу “в понедельник, 15 июня 1953 г.”. Она состоялась вечером, длилась

около двадцати минут и вновь началась с уточнения, как Зимянин попал на работу в Москву. После этого Берия заявил, что “решение о моём назначении в МИД было ошибочным, неправильным, не мотивируя, почему”. Ответ по принципу “моё дело солдатское”, вопрос решал ЦК, а он, Зимянин, должен не рассуждать, “правильно ли это или неправильно, а выполнять решение, как и всякое другое”, вызвал иной вопрос “лубянского маршала”: почему “белорусы удивительно спокойный народ. На руководящую работу их не выдвигают — они молчат, хлеба дают мало — они молчат... Что за народ белорусы?” Зимянин, как он пишет, ответил, что “белорусы — хороший народ”, добавив при этом, что в то время он не знал, “с каким заклятым врагом партии и народа” имеет дело, потому “принял эти слова как произнесённые не всерьёз (так в тексте. — Я. А.)”. Затем ему последовал вопрос о том, как недавний второй секретарь ЦК КПБ оценивает Патоличева. Не дав сформулировать ответ, “Берия прервал меня, сказав, что я напрасно развожу “объективщину”, что Патоличев — плохой руководитель, пустой человек”. Затем он сообщил, что “он написал записку ЦК КПСС, в которой подверг критике неудовлетворительное положение дел в республике с осуществлением национальной политики, а также с колхозным строительством. Кратко пересказав содержание записки, Берия заявил, что надо поправлять положение, что мне предстоит это делать”.

А далее последовало весьма серьёзное предупреждение и не менее серьёзная рекомендация. Предупреждение, сообщал Зимянин, состояло в том, что на новой работе он “не должен искать себе “шефов”, чем, по мнению Берии, грешили его предшественники. Попытки отделаться общими словами, что “шеф” в партии есть один — Центральный Комитет”, не были приняты, “Берия вновь заявил мне, чтобы я не искал себе “шефов”. Притом, уточняет Зимянин, это уже прозвучало весьма резко, как явная угроза, потому пришлось ответить, что он учтёт этот совет. А рекомендация состояла в том, на кого должен будет опираться новый первый секретарь ЦК КПБ: “Надо поддерживать чекистов, у них острая работа, а долг чекистов — поддерживать Вас”. Притом Берия подчеркнул это дважды. Затем пересказал основные положения записки, посвящённой белорусским делам, о которой Зимянин ещё ничего не знал, сообщил, что уже назначен новый белорусский министр внутренних дел, в третий раз посоветовал не искать себе “шефов”. На этом разговор закончился. Подробно с той запиской Зимянина познакомили в секретариате Берии.

Зимянин не скрывал, что был не на шутку встревожен. Ведь даже записку ему показали не в ЦК КПСС, а в МВД, потому в Минске её “никому не оглашал, а после Пленума ЦК КП Белоруссии отправил её в Канцелярию Президиума ЦК КПСС”. В то же время можно не сомневаться, что он понимал, что выбора у него нет, тем более что принятое постановление Президиума ЦК КПСС уже делало его фактическим главой ЦК КПБ и БССР. Ровно через месяц ему пришлось пояснить: “После разоблачения Берия Президиумом ЦК КПСС я сознаю, что шаги, предпринятые Берия по отношению ко мне, были провокационными от начала до конца, а ознакомление с его запиской — попыткой подкупа или шантажа, разобраться в которой я вовремя не сумел. Глубоко сожалею, что оказался в таком положении. Но Берия я раньше не знал — никогда не был у него, не знал подлых повадок этого предателя, относился к нему, как к видному государственному деятелю. Только узнав, что Берия является злейшим врагом партии и народа, я понял, насколько подлым является этот иезуит, насколько подлым было и его отношение ко мне лично, раз и меня он пытался запятнать”. В завершение Зимянин заверил: “Заявляю Центральному Комитету КПСС, что никогда ничего общего с врагом партии и народа Берия не имел, честно боролся и буду бороться за дело нашей Великой Коммунистической партии до последнего дыхания”. А тогда, после вечерней беседы, он сразу же уехал в Минск готовить доклад и Пленум. Вслед за ним была почтой отправлена записка.

Через много лет Зимянин жаловался, что его “тогда просто загнали из Москвы в Минск” по партийному правилу “надо”. Но за дело он взялся довольно рьяно. Впрочем, иного пути у него и не было. Готовился доклад, проводились совещания с активом, в срочном порядке подбирались новые кадры для замены тех, кто должен был так же срочно уйти. Вопрос о том, качественной ли будет предстоящая замена, похоже, не всегда стоял на первом

месте. Важна была сама замена. Вот как уже на Пленуме об этом говорил первый секретарь Волковысского райкома партии А. Ф. Бурлаков: “Подобрано и утверждено в бюро райкома 6 человек из местных, в том числе два заведующих отделами. Новый состав аппарата будет иметь 65 процентов белорусов, 30 процентов русских, 5 – иной национальности”. При этом Бурлаков признал, что “мы взяли в аппарат молодых коммунистов, принятых в члены партии в 1953 году”, что “у них нет никакого опыта руководящей работы”. В этом же направлении “мы ведём работу по советским, сельскохозяйственным, заготовительным и финансовым кадрам”.

Местное происхождение стало считаться чуть ли не главным достоинством, уйти же предстояло русским, особенно тем, кто не сподобился изучить белорусский язык. Через много лет М. В. Зимянин в интервью газете “Звезда” для объяснения того, что происходило на самом деле, привёл слова Н. С. Хрущёва из его воспоминаний, изданных за пределами СССР, который писал, что “линия на выдвижение национальных кадров в руководстве союзных республик всегда была налицо. Но он (Берия. – Я. А.) поставил этот вопрос под резким углом антирусской направленности... Он хотел сплотить националов и объединить их против русских”. Первый секретарь ЦК Компартии Литвы А. Ю. Снечук ещё в советские годы тоже отмечал, что в Литве решение, принятое в Москве по записке Берия, националы восприняли с воодушевлением, по республике сразу же пошли разговоры о том, что лишь только уедут русские партийцы, “литовских коммунистов перебьём, как кроликов”.

В тоже время нужно сказать, что постановление Президиума ЦК КПСС для Патоличева не стало неожиданностью. Ещё до его выхода неприятную новость о предстоящем появлении этого документа ему сообщил министр госбезопасности БССР М. И. Баскаков. А Баскакову, как говорится в книге “Совестью своей не поступись”, по секрету рассказал его коллега П. П. Кондаков, который был министром госбезопасности Литвы, а до Литвы некоторое время работал заместителем министра госбезопасности СССР, так что связи в Москве у него оставались. Баскаков, получив такие сведения, проинформировал Патоличева о том, что “Берия разработал план разгрома руководящих кадров в республике”. Николай Семёнович не стал пассивно ждать, поехал в главную столицу к Маленкову и задал соответствующие вопросы. Тот ответил, что ничего не знает об этом, что такого разговора не было. Хрущёв тоже заявил, что украинское дело белорусского продолжения иметь не будет, мол, спокойно возвращайся в Минск. Патоличев пишет, что он звонил даже Берии и просил о встрече, но тот от неё уклонился. Значит, подумалось ему, события всё-таки развиваются в том направлении, о котором предупреждали Кондаков с Баскаковым. Получается, размышлял он в этой связи, секретари ЦК в самом деле не знают или делают вид, что не знают. А через неделю ему позвонил Хрущёв, пригласил вновь прибыть в Москву, где и сообщил о предстоящем освобождении. Никакие доводы Патоличева приняты не были. Тогда он попросил разрешения не присутствовать на Пленуме, где будет обсуждаться организационный вопрос, и даже уверенно рубанул: “Пленум меня поддержит”. Хрущёв возразил, что есть решение ЦК, которое надо выполнять. Патоличев ещё раз заявил, что Пленум поддержит его, а не Зимянина.

Вопрос “Об очередном пленуме ЦК КП Белоруссии” на заседании бюро ЦК КПБ был рассмотрен 17 июня без Николая Семёновича. Решено было “созвать очередной IV Пленум ЦК КП Белоруссии 25 июня 1953 года со следующей повесткой дня:

1. Постановление ЦК КПСС “Вопросы Белорусской ССР” и задачи парторганизаций КП Белоруссии.
2. Организационные вопросы.

На Пленум пригласить первых секретарей горкомов и райкомов партии и виднейших деятелей науки и культуры Белорусской БССР – членов КПСС”.

Зимянин был уже в Минске. Шли активные беседы с секретарями обкомов, горкомов, райкомов, деятелями культуры и искусства. На заседании бюро, на котором обсуждался доклад, подготовленный к предстоящему Пленуму, Патоличеву дали место на дальнем торце стола, поскольку, как вспоминал Николай Семёнович через много лет, “он должен был чувствовать себя уже в роли постороннего”. Похоже, он и сам готовился к тому, что с Минском ему придётся расстаться, о чём он потом и сказал во время выступления на Пленуме. Вот только ответ на вопрос, что будет означать отзыв “в распоряжение

ЦК КПСС”, вряд ли у него был. На том бюро, утверждал через много лет Николай Семёнович, один П. М. Машеров, возглавлявший тогда ЦК белорусского комсомола, задал вопрос, почему надо всё сваливать на Патоличева. Реакция была якобы бурной, и Патоличев сказал Машерову, что в создавшейся обстановке тот ничем помочь ему не сможет. К сожалению, в перечне заседаний бюро ЦК КПБ, который хранится, в Национальном архиве Республики Беларусь, специальное заседание с такой повесткой не значит, потому проверить достоверность утверждений, содержащихся в книге “Совестью своей не поступись”, пока не удалось. А некоторая необходимость в этом есть, поскольку Зимянин в упомянутом интервью газете “Звезда” утверждал, что “Машеров на пленуме 1953 года занял нейтральную позицию, не поддерживая ни Патоличева, ни меня”. Кто знает, не последовал ли он совету Патоличева и не тогда ли пробежал первый холодок между Петром Мироновичем и Михаилом Васильевичем. По крайней мере, на Пленуме Машеров в самом деле не выступал.

Как пишет в своей книге В. И. Шарапов, поначалу многое свидетельствовало о том, что всё пройдёт так, как и было предусмотрено в Москве. Первым в президиум вышел Зимянин, притом, подчеркнул Шарапов, по его походе и виду присутствовавшим в зале не составляло большого труда понять, кто на тот момент чувствовал себя хозяином положения. Собравшиеся почтили вставанием уход из жизни Сталина. При этом было подчеркнuto, что “умер наивеличайший человек нашего времени”. Кстати, в белорусском варианте стенограммы он назван “великим человеком нового времени”. Доклад прозвучал на белорусском языке. По-белорусски говорили и 23 выступивших в прениях из 27, на русском произносили свои речи только Патоличев, секретарь ЦК Горбунов, первый секретарь Молодечненского обкома партии В. Г. Доркин, первый секретарь Волковысского райкома партии А. Ф. Бурлаков, да и тот свою “дерзость” объяснил тем, что недавно работает в республике. Правда, Зимянин в ответ парировал, что “пользование русским языком не запрещается”.

В докладе после краткого пересказа истории БССР и напоминания о том, что “партия учит нас быть непримиримыми к любым отклонениям от советской национальной политики”, было сразу же подчеркнuto, что такие отклонения “должны рассматриваться как несовместимые с линией партии, потому что они наносят вред морально-политическому единству и дружбе народов Советского Союза, могуществу нашей Родины”. В качестве доказательства, что в республике дела обстоят именно так, прозвучали соответствующие оценки из постановления ЦК КПСС. А далее рисовалась совершенно негативная картина по тем аспектам жизни в республике, которые были затронуты в этом документе.

Руководство ЦК КПБ и Совета Министров, отмечено в докладе, оказалось не на высоте поставленных задач, допущенные ошибки в подборе кадров, особенно в западных областях республики, объясняются “определённым отрывом руководства ЦК КПБ и Совета Министров от масс трудящихся”. А констатация того, что “в работе бюро ЦК КПБ и Совмина БССР не было необходимой коллективности”, стала явным указанием на то, что главным виновным во всём является Патоличев, который, говоря иными словами, брал на себя слишком много. Потому ЦК КПСС “освободил т. Патоличева от обязанностей первого секретаря ЦК КПБ”. И это в то время, когда “великий советский народ самоотверженно работает над осуществлением решений XIX съезда партии, проведением в жизнь выработанной Партией и Правительством политики, доложенной в известных выступлениях товарищей Г. М. Маленкова, Л. П. Берия, В. М. Молотова”. Слова о том, что эта политика была доложена народу именно названными государственными деятелями, вписаны в машинописный текст доклада рукой Зимянина. Хрущёв в приведённом перечне отсутствует. Не исключено, что на тот момент Михаил Васильевич не рассматривал его в качестве фигуры, способной вскоре стать главной на властном Олимпе СССР. Рукой Зимянина обозначена и дата прочтения доклада: 27.VI.53.

Завершился доклад при полном молчании зала. Да и вряд ли могли последовать аплодисменты после столь мрачной картины, нарисованной человеком, которому предстояло стать новым главой ЦК. Притом ожидать от людей, которые считали, что в целом они успешно преодолевают послевоенную разруху и ещё совсем недавно не раз слышали, в том числе от высоких представителей Москвы, иные оценки на сей счёт. Но вот представлен новый

политический и экономический пейзаж, а вскоре, не исключено, может начаться поиск и наказание виновных, в том числе и среди сидящих в зале. Не улучшало настроения участников Пленума и приглашённым на Пленум и то, что такая резкая критика прозвучала из уст человека, который ещё каких-то два месяца назад был в республике одним из руководителей и процесса хозяйственного восстановления, и определения методов дальнейшего подъёма экономики и культуры, и, конечно же, подбора кадров. Ещё на похороны Сталина Патоличев и Зимянин приезжали как белорусские партийные руководители, правда, у гроба вождя стояли по обе его стороны, лицом к лицу. Кроме того, трудно было сразу же принять на веру и то, что Патоличев, с которым они работали уже три года, замеченный и выдвинутый самим Сталиным, вдруг оказался столь неспособным.

Конечно, все понимали, что против такого, например, факта, что лекции в высших учебных заведениях читаются в основном на русском языке, не попрёшь, но не попрёшь и против того, что в Минске нет кадров, способных заменить всех преподавателей на белорусскоязычных. Например, на только что открытом архитектурном отделении Белорусского политехнического института, который ещё носил имя Сталина, читают лекции, ведут семинарские занятия в основном люди, приглашённые из Москвы и Ленинграда, поскольку своих преподавателей попросту нет. Они знали также, что в западных областях республики, где только после войны появились институты и техникумы, доморощенных кадров в достаточном количестве и не могло быть. В то же время вышедшее постановление главного партийного штаба следует выполнять.

Оказавшись между стенкой реалий и скамейкой требований, да ещё столь неожиданных и жёстких, собравшиеся в зале пребывали в некотором недоумении, что не могло не сказаться на содержании прений по докладу. Тем не менее, не отрицая положений постановления ЦК КПСС, они всё же не торопились валить всё на одного человека, хотя имя его уже было названо в том самом постановлении, подписанном главным начальством большой страны. Это стало очевидным с первых же выступлений. А обсуждение началось завтра в полдень с 12 часов дня. Вечер, скорее всего, был использован участниками Пленума для приватного обсуждения свалившихся им на голову столь неожиданных обстоятельств.

Первым выступил В. Е. Лобанок – партийный руководитель существовавшей тогда Полесской области, центром которой был Мозырь, человек, известный всей республике, Герой Советского Союза, во время войны командовавший Лепельско-Полоцкой партизанской зоной, единственный из партизанских командиров награждённый полководческим орденом Суворова. Свою речь он построил на самокритике и констатации того, что ученики в Мозыре разговаривают по-белорусски, а учителя по-русски, белорусские школы – только на окраинах города. Предъявил претензии к писателям – они редкие гости, к управлению кинематографии министерства культуры – поздно прислали в область фильм “Павлинка” на белорусском языке, к Академии наук БССР – в области никакой работы она не ведёт. Отметил, что ЦК КПБ и Совет Министров республики “шаблонно” руководят регионами, что мало заботы об укреплении хозяйств кадрами специалистов. Патоличев в выступлении Лобанка не был упомянут ни разу.

Вторым к трибуне вышел первый секретарь Брестского обкома партии Т. Я. Киселёв и продемонстрировал тот же подход. В зале царит молчание.

А вот выступление выступление Якуба Коласа воспринято с живостью. Классик говорил о том, что на дорогах не увидишь надписей на белорусском языке, что белорусский язык изгнала даже Академия наук. Позвонил он как-то в издательство и спросил по-белорусски: “Гэта Дзяржвыдавецтва?”. В ответ услышал по-русски: “Нет, это Госиздат”. Существует разницей в белорусском правописании. Работников “Звязды”, которая тогда была главной газетой в республике, органом ЦК КПБ и Совета Министров БССР, по мнению классика, надо сечь розгами. Это у них “роковая любовь” при переводе на белорусский язык превратилась в “раковую”. В зале смех и бурные аплодисменты. О Патоличеве тоже ни слова. Не упомянул классик и о постановлении ЦК КПСС, из-за которого собрался Пленум.

Девятым на трибуну пошёл сам Николай Семёнович. Он не мог не понимать, что то молчание – за него. Признав, что постановление Президиума ЦК КПСС “правильно вскрывает в Белоруссии наличие крупных извращений

ленинско-сталинской политики нашей партии, недостатки и ошибки в работе Центрального Комитета и Совета Министров Белоруссии”, без чего обойтись было нельзя, кое о чём он всё-таки напомнил собравшимся в зале. Во-первых, о том, что отнюдь не он начал “практику посылки работников из восточных областей и других республик Советского Союза (в западные регионы республики. — Я.А.), сделав эту форму исключительной”, она “проводилась все годы, начиная с воссоединения Западной Белоруссии”. В этих словах — намёк и на то, что такая политика была одобрена на всех уровнях и появилась, как говорится, не от хорошей жизни. Других кадров там попросту не было. Иное дело, что и здесь допускались перехлёсты, например, “какая была необходимость даже низовой аппарат подбирать не из людей некоренной национальности”.

Во-вторых, Патоличев признал, что “национальный момент при подборе руководящих кадров, да и не только руководящих, потерялся и в расчёт почти никогда не принимался”, и если “в составе министерств, заместителей председателя Совета Министров, первых секретарей обкомов партии, председателей облисполкомов всё же большинство белорусов, в этом никакой заслуги Центрального Комитета нет. Это сложилось произвольно. У нас есть большая группа руководящих работников, о которых трудно сказать, если не посмотреть в анкетные данные, кто они по национальности — белорусы или не белорусы”. Он давал понять, что против сложившейся ситуации никто не возражал, поскольку она устраивала всех, делу не мешала, так как в расчёт принимались, в первую очередь, деловые, профессиональные качества.

В-третьих, “делопроизводство в государственном аппарате было переведено на русский язык... одни говорят... в 1936 году, другие, что в 1937”, а не по команде Патоличева. За этим “решающим мероприятием последовали другие... Преподавание в вузах стало вестись на русском языке, количество белорусских школ сократилось. Руководящие работники в этом деле показывали плохой пример — они своих детей учили не в белорусских школах”. Критику за это, сформулированную в докладе, он отнёс, конечно же, прежде всего, к себе, но заметил, что “к великому сожалению, ни в Центральном Комитете КП Белоруссии, ни в Совете Министров республики не оказалось среди нас такого человека, который бы хоть в какой-то степени, хоть в какой-то форме предостерегал Центральный Комитет от таких ошибок”. Притом Патоличев уточнил, что говорит “о работниках ЦК и Совмина, которые вместе со мной эти три года работали и возглавляли Компартию”. Здесь просматривался явный намёк и на Зимянина, который совсем недавно был его правой рукой в ЦК. Мол, почему не бил тревогу, если это так неправильно, ведь он, Патоличев, человек приезжий, как раз и полагался на то, что местные кадры лучше знают настроения населения.

Подчеркнув, “по воле партии я приехал в Белоруссию, по воле партии уезжаю”, Патоличев заявил, что “после трёх лет работы в Белоруссии, после того, что мы сделали положительного и что решением ЦК отмечено отрицательного как ошадки, извращения, тем не менее, мне, товарищи, не стыдно смотреть в глаза участникам настоящего Пленума”. Да, “нелегка роль первого секретаря во всех этих делах, тем более, на Пленуме могу сказать, что не всегда я находил нужную поддержку в выдвигаемых мною вопросах”. Да, прав Зимянин, отметив, что “в работе Центрального Комитета не было нужной коллегиальности”, так как “это в Белоруссии пока трудный вопрос”, но он “прилагал все силы, чтобы нормально и дружно работать, правда, на шею себе садиться не давал”. И добавил, что “таким я останусь до конца моей жизни, так буду поступать и впредь”.

Выступление Патоличева было встречено бурными и долгими аплодисментами, что стало важным намёком на то, в чью сторону клонятся настроения в зале. Был объявлен пятнадцатиминутный перерыв. Скорее всего, как раз во время того перерыва и подходил к нему Якуб Колас, жал руку, говорил добрые, уважительные слова.

Вслед за этим всё-таки произошло то, что планировалось. Председатель Госплана БССР И. Л. Чёрный, который был в ранге заместителя главы Совета Министров республики, выступил с прямой критикой Патоличева, свалив на него всю вину за недостатки, отмеченные в постановлении ЦК КПСС. И дальнейшие прения получили уже два направления. Одни ораторы продолжили концентрироваться на самокритике, внутренних проблемах своих ведомств

и территорий, а также на пожеланиях, адресованных ЦК, правительству, министерствам. Именно так поступили руководитель Союза писателей П. У. Бровка, высказавший пожелание литераторам больше помогать партии своими романами, повестями, поэмами, очерками; заместитель председателя Совета Министров В. Г. Кудряев, посетовавший, что республика не справилась с планами сева; первый секретарь Минского горкома КПБ И. Д. Варвашеня, пожаловавшийся на недостаток кадров в отделе культуры горкома; прокурор БССР А. Г. Бондарь, говоривший о незаконных штрафах, жалобах граждан; главный режиссёр столичного театра оперы и балета Л. П. Александровская, сетовавшая, что о театрах не пишут республиканские газеты, что даже премьеры спектаклей нередко проходят при полупустых залах. Патоличева никто из них опять не упоминал. А первый секретарь Минского обкома партии К. Т. Мазуров, которому через три года предстояло сменить Н. С. Патоличева на посту первого секретаря ЦК КПБ, а затем стать первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, говоря о виновных в искажении национальной политики, назвал сначала себя, лишь потом — Николая Семёновича.

Для других главным объектом критики стал именно И. Л. Чёрный. Притом остракизму он подвергся ещё на трибуне. Ему фактически не давали договорить, хотя упреки, высказанные Чёрным в адрес Патоличева, по большому счёту были не такими уж и острыми. Чёрный счёл неправильным сравнивать 1952–1953 годы с первыми послевоенными, а тем более с 1939 годом, когда были воссоединены белорусские территории. И по наличию кадров, и по оплате на трудодень. Ошибкой он счёл перевод в ЦК КПБ С. О. Притыцкого, который до этого был первым секретарём Гродненского обкома партии — единственным партийным работником столь высокого ранга из так называемых западников. А ещё, по его мнению, не стоило передавать некоторые предприятия в союзное подчинение. Некоторые его слова вызывали смех в зале. Раздался вопрос ему самому: “А где Вы раньше были?” Звучали выкрики: “Хватит!”, “Неправильно!”, “Регламент!”

После выступления И. Л. Чёрный стал для Патоличева своеобразным громовым ударом. Очень резко на выпады председателя Госплана отреагировал первый секретарь Могилёвского обкома партии С. И. Сикорский. Сергей Иванович слыл человеком прямым. Будучи во время войны командиром Брестского партизанского соединения, во время тяжёлых боёв вдоль Днепровско-Бугского канала весной 1944 года, когда народные мстители в течение месяца сдерживали напор нескольких гитлеровских дивизий на 60-километровой линии, он зачастую слал в Центральный и Белорусский штабы партизанского движения нелицеприятные радиограммы, потому, утверждали многие ветераны той войны, стал единственным из партизанских командиров такого ранга, не получившим генеральских отличий, хотя звания Героя Советского Союза был удостоен. Он и И. Л. Чёрному задавал вопросы, что называется, в лоб: “Ты не рядовой работник, тов. Чёрный, ты являешься председателем Государственной плановой комиссии, ты являешься заместителем председателя Совета Министров, так почему ты три года как будто сидел где-то на окраине, ничего не видел, что делается под руководством тов. Патоличева? А нам, секретарям, известно, что ты был у тов. Патоличева на лучшем счету и тебя неоднократно тов. Патоличев хвалил, что ты хороший работник, что ты часто вносишь ему вопросы. Так нельзя ли у тебя спросить, что, может, ты в заблуждение вводил тов. Патоличева, подсовывал ему такие цифры?” После этих слов в зале раздалось аплодисменты. А Сикорский продолжил: “Так чего же ты после того, как факт состоялся, ЦК КПСС сделал организационные выводы, ты только теперь набрался смелости и с этой трибуны льёшь всю грязь на тов. Патоличева? Нельзя так. Это не работник, который наживает себе какую-то конъюнктуру”. Аплодисменты повторились, по рядам прокатился смех.

С. И. Сикорского поддержал заместитель председателя Совета Министров БССР П. А. Абрахимов, заметив Чёрному, что “в погоне за эффектом он нацепил на Патоличева то, в чём он не повинен”. Коснувшись переподчинения предприятий, тоже заметил, что “сам Патоличев ничего не передавал”, более того, та “передача была правильной”, потому что “заводы получили финансирование и стали работать лучше”. Ещё нелицеприятнее выразился первый секретарь Гродненского обкома партии Н. Е. Авхимович: “Мы тов. Чёрного знаем 15 лет... Его сегодняшнее выступление было подобно тому, как он выступал, когда уходил от нас т. Пономаренко, когда уходил т. Гусаров...

(П. К. Пономаренко и Н. И. Гусаров возглавляли ЦК Компартии Белоруссии до Н. С. Патоличева. — Я. А.). В белорусской партийной организации есть люди, которые держат нос по ветру”. Эти слова тоже вызвали смех и аплодисменты. И совсем иначе было сказано о Патоличеве: “Никто не скажет, что партийная организация в Белоруссии к тов. Патоличеву плохо относится и что тов. Патоличев мало полезного сделал в партийной организации. Это не так, это было бы несправедливо, это нечестно. Тов. Патоличев много чего внёс нового в работу партийной организации нашей республики”.

В тот день прения по докладу длились до 11 часов вечера. Выступило двадцать человек. Никто, кроме Чёрного, Патоличева больше не критиковал. И никто не высказал одобрения, что на руководящую работу в Минск возвращается Зимянин. Почти все ораторы, говоря об “извращениях в национальной политике”, как было в сказано в постановлении, которое они обсуждали, а также о недостатках в организации сельскохозяйственного производства, в то же время настойчиво твердили о дружбе народов, о том, что она является движущей силой в большом государстве, о великом русском народе, об огромной помощи, которую он оказывает Белорусской республике. Как через много лет писал по этому поводу Патоличев, “исправление” национальной политики, предложенное тем постановлением, удивило, прежде всего, белорусов. И они не только не стали своё удивление скрывать, но и упорно повторяли то, что усвоили ещё с политических “пелёнок”. Под занавес дня была создана комиссия по подготовке проекта постановления Пленума. В неё вошло сорок человек, в числе которых были Зимянин, Якуб Колас и, как ни странно, Патоличев, о котором в постановлении ЦК КПСС говорилось, что он отзывается в Москву.

Разумеется, то, как идёт Пленум в Минске, тайной для Москвы не было. А в союзной столице тоже произошло весьма важное событие, и вечером оттуда последовало три телефонных звонка в Минск. Два — Патоличеву, от Маленкова и Хрущёва, один — Зимянину, от Маленкова. Патоличеву сообщили, что арестован Берия, однако рекомендовали не разглашать это до официальной публикации в прессе. И прямым текстом дали понять Николаю Семёновичу, что не будут настаивать на том, чтобы его сняли с должности первого секретаря ЦК КПБ. С Зимяниным разговор был несколько иным. Об аресте Берия ему сказано не было. Вот как о той телефонной беседе вспоминал сам Михаил Васильевич:

- Товарищ Зимянин, как идёт Пленум?
- Нормально.
- Какое отношение к Патоличеву?
- Нормальное.
- А к Вам?
- Нормальное.
- Слушайте, у нас тут обстоятельства складываются так, что что мы посоветовались и решили: а не оставить ли нам Патоличева в Белоруссии?
- Пожалуйста... Я сюда не рвался...

Даже через много лет Зимянин признавался: “Мне невдомёк было, что в этот день, 26 июня, арестовали Берия”. В самом деле, не так просто было представить, что всеильный Лаврентий Павлович больше не всеилен. Значит, ситуация изменилась в чём-то ином, полагал Михаил Васильевич. В любом случае, пришлось готовиться к ещё одному выступлению на Пленуме, притом сказать предстояло то, что ещё сутки назад ему не могло присниться и в кошмарном сне.

Назавтра, а это был уже третий день Пленума, председательствовал на заседании первый заместитель главы правительства П. А. Абраимов. Собравшиеся в зале, по крайней мере, абсолютное большинство из них, пока ни о чём не подозревали, потому прения продолжались в прежнем ключе. Директор Института истории партии Ф. А. Новикова, начальник Минской железной дороги Г. И. Котяз, первый секретарь Барановичского обкома партии И. Ф. Климов, министр сельского хозяйства и заготовок С. С. Костюк, первый секретарь Молодечненского обкома партии В. Г. Доркин говорили о внутренних проблемах вверенных им сфер, отраслей и территорий. Правда, В. Г. Доркин и Ф. А. Новикова “прошлись” и по Чёрному, заметив, что любая критика должна быть своевременной. Доркин сказал, что участвует в пленумах ЦК КПБ с 1947 года, но “ни разу не слышал резкого выступления т. Чёрного,

хотя, как известно, у него сосредоточено много цифр по работе в целом по республике”. И добавил, что резкая критика из его уст звучит, как правило, тогда, “когда решаются организационные вопросы на Пленуме, вернее, тогда, когда они уже решены”, тогда-то “тов. Чёрный выступает очень решительно”. Ф. А. Новикова, назвав поведение Чёрного нечестным, отметила, что “у нас есть такие лица, которые в острые моменты думают: “Я себя сейчас покажу!” Упрекнула она и Патоличева: почему в бюро ЦК есть люди, которые не соответствующую высоте своего положения, почему Патоличев не призвал их по порядку, и это стало мешать в работе.

Более резко говорил председатель Президиума Верховного Совета БССР В. И. Козлов, кстати, тоже Герой Советского Союза, во время Великой Отечественной войны командовавший Минским партизанским соединением. Признав, что “мы допускали много ошибок и недостатков”, что Патоличев мог рассказать о них более подробно, особенно о том, “как работали члены бюро и почему были допущены ошибки и недостатки со стороны бюро ЦК КПБ и лично тов. Патоличева в вопросах советской национальной политики, в подборе и расстановке кадров”, тем не менее со всей определённой он заявил: “Тов. Патоличев, работая первым секретарём ЦК КПБ, много прилагал энергии и сил для развития промышленности и сельского хозяйства. Мне кажется, товарищи, было бы ошибкой всё чернить и видеть только то, что чёрное. Это неправильно... Патоличев... много внёс положительного и в организационно-партийную работу, и в сельскохозяйственное, и в промышленное строительство, этого нельзя у него отнять”. Говоря об ошибках, признавая их значительность, Василий Иванович чаще всего употребляет местоимение “мы”, подчёркивая тем самым, что ответственность за состояние дел в республике несёт не только Патоличев, а всё белорусское руководство: мы работали много, но одновременно допускали и ошибки, эти ошибки весьма значительные, потому ЦК КПСС и вынес постановление. А “выступление тов. Чёрного было демагогическим”, Чёрный проявил “неуважительное отношение к тов. Патоличеву, который этого не заслуживает”. При каждом критическом выпаде в адрес председателя Госплана в зале снова раздались голоса: “Правильно!” — и вспыхивали аплодисменты.

В самом деле, дерзко прозвучала речь первого секретаря Дзержинского РК КПБ Л. М. Лемешонка. Отдав должное тому, что было сказано в постановлении ЦК КПСС, без чего ему и нельзя было обойтись, он сразу же съязвил, что “только теперь на этом Пленуме, когда нас сильно поправил ЦК КПСС, почти все стали разговаривать на своём родном языке”, хотя даже министр образования вряд ли “пускает своих детей в белорусскую школу”. Согласившись, что в “этом виноваты, главным образом, ЦК, в первую очередь, Патоличев, Зимянин, Горбунов”, он заявил, тем не менее, что Николай Семёнович “всё-таки много сделал для нашей республики, и мы за это его любим”. Эти слова вызвали аплодисменты. А Лемешонко затем стал спрашивать, где был в это время Чёрный, который является заместителем председателя правительства, почему раньше молчал о тех ошибках, о которых рассказывал с этой трибуны, почему на предыдущих Пленумах не выступал? И сам же сформулировал нелицеприятный вывод: “Значит, вы, т. Чёрный, держали камень за пазухой до последнего времени. Так коммунисты, т. Чёрный, не должны поступать... Я уверен, если ли бы в этом решении ЦК КПСС было бы написано и о т. Зимянине, и о т. Клещёве, как о т. Патоличеве, то он бы, т. Чёрный, видимо, ещё мудрее разложил бы т. Зимянина и т. Клещёва”. Несколько раз раздавался смех и рукоплескания. Ещё громче они вспыхнули после слов “с такими Чёрными пора кончать”. Их частота и звучность свидетельствовали о реальных настроениях в зале заседаний.

Завершал прения по докладу секретарь ЦК КПБ Т. С. Горбунов. По его выступлению трудно сказать, поделится ли с ним Патоличев главными новостями из Москвы — об аресте Берии и о том, что решение о его освобождении от должности первого секретаря ЦК КПБ может быть изменено. Похоже, Горбунов и сам позаботился о том, чтобы из его слов такая ясность не вытекала, даже если он что-то знал. Отметив “важное значение постановления для белорусского народа”, Горбунов подчеркнул, что Патоличеву от ЦК КПСС “досталось очень здорово, к нам же — членам бюро — Центральный Комитет подошёл милостиво, доверил нам исправление допущенных ошибок”. Немного уколол Николая Семёновича за то, что в своём выступлении он “должен был

глубже проанализировать отмеченные промахи”, Горбунов вдруг произнёс слова, трудно соотносимые с повесткой дня Пленума. Оказывается, Патоличев, которого “уходят” в связи с допущенными недостатками в работе, должен был “помочь нам наметить пути для дальнейшего подъёма организационно-партийной и политической работы”. Вслед за этим Горбунов сразу же сказал то, что вновь вызвало одобрение зала: “За три года работы товарища Патоличева в Белоруссии, за три года, когда он находился во главе Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии, сделано многое в области дальнейшего развития промышленности республики, строительства городов, развития культуры Советской Белоруссии. И теперь, когда товарищ Патоличев освобождается решением ЦК от обязанностей первого секретаря ЦК, чернить нам его работу – это было бы большим позором для Коммунистической партии Белоруссии”. Зазвучали голоса с мест: “Правильно!” Аплодисменты повторились после слов о том, что “мы все работали плечо о плечо с ним, знаем его, что он, не жалея сил, работал, чтобы сделать для расцвета Белоруссии возможно больше, возможно лучше... За ошибки, которые были в работе ЦК КПБ и Совета Министров БССР, несёт ответственность не только товарищ Патоличев, несём ответственность все мы – руководящие работники Белоруссии, в первую очередь, секретари ЦК и члены бюро ЦК. Было бы неправильно с нашей стороны всё возложить сейчас на товарища Патоличева”. Его можно упрекнуть в том, что “некоторых из нас – членов бюро и членов ЦК КПБ – он не призвал к порядку”, однако “товарищ Патоличев старался быть ближе к белорусской культуре, оказывал помощь писателям, артистам... Товарищ Патоличев – известный человек в партии, и мы к нему относимся с доверием и желаем ему успеха в той работе, на которую его пошлёт ЦК КПСС”. Пожелание тоже вызвало аплодисменты.

После двадцатиминутного перерыва на трибуну снова вышел М. В. Зимянин. Отметив, что “Пленум ЦК КПБ правильно воспринял критику своих ошибок”, он уже добавил, что “за ошибки несём ответственность все мы, ЦК, члены бюро, секретари”, в том числе “тов. Патоличев и тов. Зимянин, хотя последний два месяца не был секретарём ЦК КПБ, но это небольшой срок, чтобы уйти от ответственности”. Он выразил уверенность, что “белорусская партийная организация, боеспособная, сплочённая вокруг Центрального Комитета и Правительства СССР, сделает всё необходимое, чтобы с честью выполнить постановление ЦК КПСС и провести его в жизнь”. После этих в значительной мере ритуальных для того времени слов прозвучало главное: “В ходе прений выяснилось также, что, правильно понимая наши ошибки, правильно восприняв критику этих ошибок со стороны Центрального Комитета КПСС, члены ЦК КПБ, участники Пленума высказали и правильное отношение к первому секретарю Центрального Комитета КПБ тов. Патоличеву. Указывая на ошибки и недостатки, которые у нас имеются, участники Пленума ЦК КПБ оказали ему доверие, потому что тов. Патоличев, будучи направленным в Белорусскую партийную организацию Центральным Комитетом КПСС, провёл значительную работу по руководству партийной организацией, хозяйственным и культурным строительством республики и заслуживает правильного к себе отношения”. После этих слов Зимянин предложил “от имени бюро ЦК КПБ внести на рассмотрение Пленума следующее предложение: просить ЦК КПСС пересмотреть тот пункт постановления ЦК от 12 июня, который касается тов. Патоличева, и оставить его первым секретарём ЦК КПБ”. Предложение, отмечено в стенограмме, было встречено продолжительными аплодисментами. Зимянин пояснил также, что это мнение не только членов бюро ЦК КПБ, а тем более не его личное мнение: “С таким предложением, с такой просьбой мы можем обратиться к ЦК КПСС потому, что тов. Патоличеву и мне в ходе Пленума пришлось говорить с тов. Маленковым и тов. Хрущёвым, и они высказали такое мнение, что если Пленум посчитает целесообразным вынести такое пожелание, такую просьбу к ЦК КПСС о пересмотре пункта постановления ЦК КПСС от 12 июня 1953 года, который касается тов. Патоличева, то этот пункт Президиум ЦК КПСС считает возможным пересмотреть”.

Председательствующий П. А. Абрахимов предложил принять следующее постановление: “Просить Президиум ЦК КПСС пересмотреть пункт постановления Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза от 12 июня с. г. в отношении тов. Патоличева Николая Семёновича и оставить его

первым секретарем ЦК КПБ”. Его слова снова были встречены продолжительными аплодисментами. За такое решение члены ЦК проголосовали единогласно. Вот как о том моменте вспоминал сам Николай Семёнович: “Весь зал встал. Сижу я один. Сижу потому, что не в состоянии подняться”. Сразу после этого Абрагимов предложил “поручить председательствовать на Пленуме тов. Патоличеву”. Вновь, отмечает стенограмма, раздались “продолжительные аплодисменты, тов. Патоличев занимает место преседательствующего”.

Патоличев сразу же заявил, что “необходимо разрешить ещё ряд организационных вопросов. По поручению бюро ЦК КП Белоруссии вносится предложение в связи с необходимостью укрепления руководства Совета Министров БССР рекомендовать на должность председателя Совета Министров Белорусской ССР тов. Зимянина (продолжительные аплодисменты) и освободить от должности Председателя Совета Министров Белорусской ССР тов. Клещёва с командированием его на учёбу”. Внешняя логика предложения была проста: Зимянин приехал сюда исправлять недостатки, о которых говорилось в постановлении ЦК КПСС, пусть и берётся за дело, тем более что ситуация в республике ему знакома. С точки зрения партийных правил того времени облегчало для Патоличева именно такую постановку вопроса и то, что Зимянин оставался членом ЦК Компартии Белоруссии, ибо избран был в его состав съездом. Кроме того, формально он после перевода на работу в Москву продолжал числиться и вторым секретарём ЦК КПБ, поскольку освободить его от секретарской должности мог только Пленум ЦК КПБ, а во всесоюзную столицу отправлен он был в промежуток между пленумами. Правда, и на сей раз Патоличев не сказал, что Зимянин в связи с переходом на должность главы республиканского Совета Министров перестаёт быть... Кем? Вторым секретарём ЦК или сотрудником МИД СССР? Потому Николай Семёнович предпочёл то, что называется фигурой умолчания.

За то, чтобы М. В. Зимянин возглавил правительство БССР, члены ЦК КПБ тоже проголосовали единодушно. Единогласно был избран и новый второй секретарь ЦК КПБ, место которого после ухода Зимянина на работу в МИД СССР фактически оставалось свободным, а формально занятым. Им стал Н. Е. Авхимович. Потом состоялось ещё одно заседание, на котором была принята программа действий, касающаяся вопросов, затронутых в постановлении ЦК КПСС. О том, как события развивались дальше, со слов М. В. Зимянина рассказано в публикации в белорусском ежемесячном журнале “Неман”: “Поздно вечером захожу к Патоличеву. Поздравил его, а потом спрашиваю:

– Будьте добры, скажите, говорили ли вы с Хрущёвым? Что означают подобные повороты?

– А разве ты не знаешь? Берия арестован. В этом весь вопрос!

– Николай Семёнович, будем считать наш разговор законченным. Желаю вам успехов, а сам, с вашего разрешения, завтра уезжаю в Москву. Надеюсь, что здесь я с вами больше не встречу. Повернулся и ушёл”.

Приведённый диалог весьма красноречив, как минимум, двумя нюансами. Во-первых, Зимянин, рука об руку проработав с Патоличевым почти три года, оставался с ним на “Вы”, хотя разница в возрасте составляла только шесть лет. Не менее красноречиво и выказанное пожелание никогда больше не встречаться. Это значило, что приступать к обязанностям главы правительства БССР он не собирался, по крайней мере, пока в Минске будет оставаться Патоличев. В секретариате Хрущёва он попросил “доложить Центральному Комитету о моей просьбе: разрешить мне вернуться в Москву”. На состоявшемся через два дня заседании Президиума ЦК КПСС Молотов всё-таки спросил Зимянина, почему тот настаивает на том, чтобы не работать в Минске. Ответ был следующим: “Видите ли, товарищ Молотов, обстановка складывается так, что мы с Патоличевым будем напоминать двух медведей в одной берлоге. Прошу избавить меня от этого”. Вскоре Михаил Васильевич снова принял Четвёртый европейский отдел МИДа, которым в его отсутствие руководил Ю. В. Андропов. Тот сдал, по словам Зимянина, дела с удовольствием, сопроводив процесс словами: “Миша, это не отдел, а сумасшедший дом. Ни сна, ни покоя”. Буквально через неделю – 2–7 июля – Патоличев и Зимянин участвовали в работе Пленума ЦК КПСС, на котором по докладу Г. М. Маленкова рассматривался вопрос “О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия”.

Точку в рекомендации Зимянина на должность председателя Совета Министров БССР поставил очередной Пленум ЦК КПБ, состоявшийся 24 июля 1953 года и обсуждавший итоги Пленума ЦК КПСС, давшего оценку действиям “лубянского маршала”. Тогда ЦК КПБ принял два решения, касающихся Зимянина. Одно гласило: “Отменить постановление IV Пленума ЦК КПБ о рекомендации т. Зимянина М. В. на пост председателя Совета Министров БССР”. В протоколе содержится разъяснение: “О тов Зимянине. ЦК КПСС счёл нецелесообразным посылать тов. Зимянина в Белоруссию в качестве председателя Совета Министров БССР... и направил его на работу в Министерство иностранных дел”. Одновременно он был освобождён и от обязанностей второго секретаря и члена бюро ЦК, “поскольку это не было сделано на прошлом Пленуме”.

Тогда же “бюро ЦК КПБ рассмотрело вопрос о председателе Совета Министров БССР и решило рекомендовать на работу председателя Совета Министров т. Мазурова, нынешнего первого секретаря Минского обкома. Это предложение было внесено на рассмотрение Президиума ЦК КПСС...” Последовало единогласное решение: “Утвердить т. Мазурова Кирилла Трофимовича председателем Совета Министров БССР”. Ещё одним решением М. И. Баскаков, до этого отозванный в Москву, был восстановлен в должности министра внутренних дел БССР и избран членом бюро ЦК КПБ. Пробывший несколько недель министром М. Ф. Дечко стал его первым заместителем и был выведен из состава бюро “в связи с нецелесообразностью иметь в составе бюро ЦК КПБ двух руководящих работников МВД”.

Спустя много лет Зимянин стал говорить о том, что тогда он оказался игрушкой в руках не только Берии, но и Хрущёва. Хрущёву, по его словам, было не жалко Зимянина, ведь он являлся любимым учеником десять лет проработавшего в БССР первым секретарём ЦК и председателем правительства Пантелеймона Пономаренко, который как раз и заметил в Могилёве подвижного паренька. А с Патоличевым у Никиты Сергеевича, наоборот, мол, были хорошие отношения, вместе с ним они работали в Киеве, вместе интриговали против Кагановича. Направляя Зимянина в Минск, Хрущёв не случайно советовал ему не торопиться, вспоминал потом Михаил Васильевич в беседе в корреспондентом “Звезды”, тянул время, чтобы замена не состоялась до ареста Берии. А ещё рассчитывал подловить его на какой-нибудь интриге в борьбе за власть, но он, Зимянин, “не думал ни о чём ином, кроме добросовестного выполнения директив Центрального Комитета”.

Насколько сказанное соответствует тому, что на самом деле было, теперь уточнить вряд ли возможно. Конечно же, операция против Берии готовилась не один день, и жертвы в ходе неё не исключались. Тянул ли Хрущёв время? Не исключено. Ведь, если бы речь шла только о быстрой замене Патоличева на Зимянина, то это можно было сделать в первый же день Пленума и уже потом вести обсуждение задач, записанных в постановлении. И даже перенести обсуждение на следующий Пленум. Да и помимо членов ЦК, кандидатов в члены ЦК и членов Ревизионной комиссии ЦК приглашать ещё несколько сотен человек не было большого резона. Но здесь как раз тот случай, когда история сослагательного наклонения иметь не может. Несомненно, эти вопросы мучили Михаила Васильевича всю его оставшуюся жизнь, несмотря на то, что она продолжилась весьма успешно. Он долгое время работал Чрезвычайным и Полномочным послом СССР во Вьетнаме и Чехословакии, возглавлял главную партийную газету “Правда”, много лет являлся секретарём ЦК КПСС, был награжден пятью орденами Ленина, который являлся высшей государственной наградой в СССР, удостоился звания Героя Социалистического Труда.

Патоличев проработал в Минске ещё ровно три года. Воспоминания о себе он оставил только хорошие. Например, белорусские архитекторы в один голос твердят, что в его лице республике просто повезло на руководителя. Это при нём выполнены основные работы в рамках послевоенного восстановления и качественного переустройства столицы. В июле 1956 года Н. С. Патоличев был переведён в Москву и тоже в министерство иностранных дел, но на должность куда более высокую, чем та, которую тремя годами ранее получил Зимянин. Он стал заместителем министра. Ещё через полтора года Николай Семёнович был повышен до первого заместителя министра иностранных дел, а спустя несколько месяцев назначен на должность союзного министра внешней торговли, которую занимал в течение двадцати семи лет. Он был дважды

удостоен звания Героя Социалистического Труда, одиннадцать раз отмечен орденом Ленина – столько имел только его ровесник, член Политбюро и Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, который сорок три года из прожитых семидесяти шести провёл на высших должностях в ЦК КПСС и правительстве СССР.

Господь распорядился так, что и Зимянину, и Патоличеву для пребывания на грешной земле был отведён равный срок – 81 год каждому. Однако желание Михаила Васильевича никогда больше не встречаться с Николаем Семёновичем не сбылось. Трудно даже предположить, что посол Зимянин в своей работе не пересекался с заместителем министра иностранных дел Патоличевым. Так же маловероятно, что у главного редактора “Правды” и секретаря ЦК КПСС Зимянина не было контактов с министром внешней торговли Патоличевым. На пленумах, съездах, сессиях Верховного Совета, совещаниях. Однако вот что об этом написал Михаил Бублеев: “С Н. С. Патоличевым при встречах Зимянин держался предельно вежливо, но всегда соблюдал дистанцию и всячески избегал какого бы то ни было неофициального общения. Не скрывал своей антипатии к Зимянину и Патоличев. Хорошо знавший обоих журналист из “Правды” недоумевал: “Два умнейших человека так и остались непримиримыми, не смогли перешагнуть через личную неприязнь, глубоко засевшую в их сознании”. Сам Патоличев в своих воспоминаниях о работе в Минске, изложенных в упоминавшейся книге, о взаимоотношениях с Зимяниным не сказал ничего.

О белорусском периоде своего бытия Николай Семёнович говорил с исключительной теплотой. “Жизнь и работа в этой республике, – признавался он, – была для меня важнейшим событием, и я с благодарностью вспоминаю всех, с кем в те годы работал, кто в трудные дни активно поддерживал меня. В книге названы немногие, пусть простят меня белорусские товарищи и примут мой поклон за всё доброе, хорошее, что сделали для меня”. Он, конечно же, понимал, что во время Пленума ЦК КПБ, на котором предстояло лишить его должности, главную роль, возможно или скорее всего, сыграли вовсе не белорусские партийцы. Случись так, что Берия бы не арестовали, что он взял бы верх в борьбе за власть, вряд ли дальнейшая судьба Патоличева сложилась бы успешно. Да и тех, кто медлил с выполнением поступившей из Москвы установки или пытался возражать, по голове не погладили бы. Но Николай Семёнович был абсолютно уверен, что мало скрываемое сопротивление освобождению его на Пленуме от занимаемой должности у белорусских партийцев всё-таки наличествовало и сыграло важную роль. Ведь им проще, да и безопаснее было просто щёлкнуть каблуками: всем же прекрасно было известно, кто такой Берия. С многими из них проводились специальные беседы на тему, как следует поступить. По крайней мере, Якуб Колас признавался Патоличеву, что в нем такая беседа была.

Тот Пленум стал событием неординарным и для белорусских кадров. Как утверждал впоследствии В.И. Шарапов, “в республиканской парторганизации ещё не было случая, чтобы решение высшей инстанции ставилось под сомнение”. И вот... А Патоличев, возвращаясь к тому событию спустя многие годы, пришёл к весьма важному и даже лестному для тогдашнего белорусского партийного и государственного актива выводу: Берия во многом строил свой расчёт на том, чтобы сыграть на национальных чувствах, однако, “к счастью и великой чести белорусов, они никогда не страдали национализмом”. Тогда, по его мнению, победил не он, тогда устояли как раз участники Пленума. И хотя он всех называет белорусами, многие из них таковыми были только по территориальному признаку, а не по национальному. Но этот нюанс как раз и подчёркивает, что национальный признак так и не встал во главе угла в ходе длинной дискуссии, хотя именно того требовало обсуждаемое постановление. “Национальный аспект” в той ситуации присутствовал лишь как констатация при характеристике кадрового состава, раз уж того потребовала высокая инстанция. Но никто не упрекнул Николая Семёновича за его русскость, ни одна и ничья недоработка не была объяснена так называемой “пятой графой” в анкете.

Зимянин до конца своих дней так и не согласился, что его тогда в Минске не приняли, что отстояли Патоличева. По его мнению, просто так повернулись обстоятельства, о чём он и сказал в интервью газете “Звезда”. Впрочем, в том же интервью Михаил Васильевич сам себя и опроверг, отметив, что как только он сообщил участникам Пленума о готовности Москвы изменить

решение о том, кому быть во главе ЦК, те “проголосовали, естественно, за то, чтобы просить Центральный Комитет партии оставить товарища Патолочева...” Говоря иными словами, другого никто не предлагал, его возвращение в республику в новом качестве никто не потребовал.

Ещё раз он приезжал в Минск из Москвы, пожалуй, только раз, по крайней мере, официально, как человек должностной. Это было в 1980 году, после гибели в автомобильной аварии первого секретаря ЦК КПБ П. М. Машерова. Зимянин в то время был секретарём ЦК КПСС. Уже в постсоветской белорусской прессе появились утверждения, что вдова Петра Мироновича тогда в сердцах сказала: “Как будто в Москве не знали, что у покойного были с ним “весьма сложные отношения”. Упоминается об этом и в публикациях Михаила Бублеева об отце. Люди, хорошо знавшие, что происходило в те дни в Минске, утверждают, что отношение к Зимянину у многих руководящих белорусских партийцев в самом деле было настороженным. Его приезд на похороны Машерова они восприняли как намёк на то, что Михаил Васильевич на сей раз всё-таки может занять кресло руководителя ЦК КПБ. В Москву полетели соответствующие сигналы. В результате в Минск возвратился Т. Я. Киселёв, который к тому времени работал заместителем председателя Совета Министров СССР, а до этого почти двадцать лет руководил белорусским правительством.

Вопрос, хотел ли покинуть советскую столицу сам М. В. Зимянин, остаётся без ответа. В упомянутом интервью газете “Звезда” Михаил Васильевич о том не обмолвился ни словом. Ничего не сказано на сей счёт и в записках Михаила Бублеева. В целом же отношение к Зимянину в Белоруссии у тех, кто помнит его и советское время, лишено крайностей. Воевал, многое сделал для развития партизанского движения и патриотического подполья в тылу оккупантов, в сложных ситуациях предпочитал действовать, а не юлить и дрейфить, в том числе тогда, когда работать приходилось по принципу “Надо!”...